

А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова

ПРОМЫСЕЛ КЕДРОВОГО ОРЕХА В СИБИРИ

Возникновение промысла кедрового ореха относится к далеким временам. По свидетельству русских ученых, исследовавших Сибирь в XVIII в., кедровый орех добывали все народы, проживавшие в Сибири. О собирании шишек с кедрового стланца на Камчатке писал С. П. Крашенинников, отмечавший также как хорошее противоцинготное лекарство отвар кедровых веток, который пили как чай или квас все члены его экспедиции¹.

О значении кедрового ореха для населения писал И. Лепехин, путешествовавший по Уралу во второй половине XVIII в. Он подчеркивал, что кедровый орех составляет здесь главнейший лесной плод².

В этнографической литературе специальных публикаций о кедровом промысле нет. Есть небольшие статьи, где он кратко рассматривается наряду с другими промыслами Сибири. К числу наиболее содержательных следует отнести статью И. Слоцова, в которой приведены сведения о кедровом промысле в Тавдинско-Пелымском крае³, откуда в конце XIX в. через Тюмень в Европейскую Россию ежегодно вывозилось до 190 000 пудов орехов.

О кедровом промысле Нарымского края, главным образом о способах чистки шишки писал Б. Шостокович⁴. С. Марусин рассмотрел вопросы организации артелей для различных лесных промыслов, в том числе кедрового, в Тобольской губернии⁵. Сведения о технике добычи кедровых шишек и их обработке по Тобольской губернии приводятся в статьях А. А. Дунина-Горкавича и С. Патканова⁶. Некоторые данные о способах сбивания шишек с кедра в Забайкалье имеются в материалах Комиссии Куломзина, проводившей в конце XIX в. сплошное подворное обследование крестьянских хозяйств Забайкалья⁷.

Из публикаций последующих лет нужно отметить работу лесоведа С. П. Бонишко, изданную им в 1923 г. к Всероссийской сельскохозяйст-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, ч. 2, тл. 5. СПб., 1755.

² И. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1814.

³ И. Слоцов. В стране кедра и соболя. Очерк Тавдинско-Пелымского края. — «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. XIII, в. 1. Омск, 1892, с. 1—41.

⁴ Б. Шостокович. Промыслы Нарымского края. — «Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества», кн. IV. Омск, 1882, с. 1—40.

⁵ С. Марусин. Промысловые артели Тобольской губернии. — «Юридический вестник», 1890, № 1, с. 438—457.

⁶ А. А. Дунин-Горкавич. Север Тобольской губернии. — «Ежегодник Тобольского музея», в. 8. Тобольск, 1897; С. Патканов. Кедровники и ореховый промысел. — «Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Тобольского округа Тобольской губернии». СПб., 1893, с. 139—170.

⁷ «Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области», в. 14. СПб., 1898, с. 105.

венной и кустарной выставке⁸. В ней обобщены данные о лесах Прибайкалья и Забайкалья. В предисловии С. П. Бонишко писал, что серьезной научной разработки проблемы, связанные с кедровым промыслом, не получили. Следует отметить, что и на сегодняшний день кедровый промысел остается недостаточно изученным, о чем свидетельствует указатель литературы по данному вопросу⁹. К кедровникам развито потребительское отношение; их рассматривают только как древесину, не уделяя должного внимания ореху. А ведь ранее это была весьма большая отрасль народного хозяйства, не требующая затраты средств, но обеспечивающая население ценным продуктом и приносящая доход.

С. П. Бонишко еще в 1923 г. писал, что если не будут приняты радикальные меры к сохранению кедровников, они могут быть уничтожены; это будет расцениваться как преступление перед государством и будущими поколениями. В последние десятилетия кедровый промысел изучался сотрудниками Института этнографии АН СССР в Забайкалье (1959—1961 гг.), а также в Западной Сибири (1977 г.). Собранные ими данные свидетельствуют, что и сейчас уделяется недостаточное внимание сохранению и рациональному использованию кедровников¹⁰.

Еще в последней четверти XIX в. кедровый орех составлял довольно важный источник дохода жителей северных губерний Европейской России (Архангельской, Пермской, Вологодской, Вятской). На рубеже XX в. число кедровых деревьев здесь заметно уменьшилось в результате небрежного отношения к кедровникам и варварского способа добычи кедровых орехов. В Западной и Восточной Сибири еще в начале XX в. сохранялись большие массивы кедровников («кедрачей»), куда в период шишководия уходило почти все население от мала до велика на промысел кедровых шишек.

В XIX в. кедровый орех не только был большим подспорьем в пище, но имел и немалое товарное значение. Орех оптом скупался в сибирских селениях и на ярмарках местными и приезжими купцами и переправлялся в разные пункты России и за границу. В публикациях XIX в. встречаются данные о размерах торговли орехом. Так, по сообщению Гагемейстера¹¹ в середине XIX в. из Березова вверх по Оби вывозили в урожайный год до 20 тыс. пудов ореха. Крестьяне свидетельствовали, что кедровый орех хорошо родится через два года на третий¹².

В целях сохранения кедровых лесов при заселении Сибири русскими земледельцами Тобольская губернская канцелярия распоряжением от 25 августа 1755 г. предписывала, чтобы русские переселенцы не рубили кедры на строительные нужды, «...а потребные с тех кедров орешки и шишки обирали, а не подрубали бы не токмо всего дерева, но и сучья берегли»¹³. Это распоряжение соблюдалось по всей Сибири, и пользование кедровниками строго регламентировалось жителями таежных мест, занимавшимися промыслом кедрового ореха. Более того, вблизи некоторых селений русскими переселенцами были выращены кедровые рощи, считавшиеся собственностью сельской общины. Нарушавшие правила пользования кедровниками подвергались различным взысканиям и наказаниям. Так, в Сургутском крае виновных немилото-

⁸ С. П. Бонишко. Кедровый промысел в лесах Прибайкалья и Забайкалья и его перспективы в будущем. Чита, 1923.

⁹ М. Ф. Петров. Комплекс кедровых лесов и их комплексное использование (аннотированный указатель справочной литературы 1759—1957 гг.). Свердловск, 1961.

¹⁰ Архив Ин-та этнографии (далее — АИЭ) АН СССР. Комплексная экспедиция Ин-та этнографии, Забайкальский этнографический отряд, полевые записи А. А. Лебедевой, 1959—1961 гг.; Западно-Сибирская экспедиция. Томский этнографический отряд, 1977, полевые записи А. В. Сафьяновой (далее: полевые записи А. В. Сафьяновой).

¹¹ Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, т. II. СПб., 1854, с. 198.

¹² П. Н. Крылов. Вишерский край. Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. — «Урал». Свердловск, 1926, № 8, с. 1—45.

¹³ М. Ф. Петров. Кедровые леса и их комплексное использование. Свердловск, 1961, с. 64.

сердно били, а затем, раздев донага, привязывали к дереву и оставляли на съедение гнусу¹⁴.

В Томском уезде были установлены дифференцированные наказания: за сломанную ветку кедра давали по 10 розог, а за поруб кедра, в зависимости от размеров дерева — от 25 до 100 розог¹⁵.

Обычно у каждого селения был свой массив кедровника, в котором артели или семьи получали свои «делянки» или «гривы» для промысла ореха — «шишкования». Нередки были случаи захвата кедровников жителями соседних селений, поэтому каждое селение перед созреванием ореха выделяло сторожа в кедровник. М. Бородкина описывает ежегодный «захватный» способ добычи кедрового ореха, который имел место в дер. Иткара Томской губернии¹⁶. По ее наблюдениям, в дер. Иткара перед началом промысла крестьяне сходились на «сборную», где назначали «день боя». В этот день, с которого начинали «бить шишку», участвующие в промысле жители деревни, кто верхом, кто на телеге выстраивались в длинную линию на деревенской улице, по дороге в кедровник. По знаку, данному распорядителем «шишкобоя», все собравшиеся на промысел с громкими криками, перегоня друг друга, мчались в кедровник, стараясь захватить самые хорошие кедры, и начиналась работа. Надо полагать, что дер. Иткара располагала небольшим массивом кедровника, не имевшим промыслового значения.

Когда орех собирался в большом количестве и был предметом торговли, к промыслу готовились основательно. Из селения нередко выезжали все одновременно, но без гонок.

Урожай ореха определяли с весны особые разведчики, и в селениях промысловых районов заранее начинали подготовку к промыслу. Поскольку заезд в кедровники затруднялся ввиду отсутствия дорог, заранее собирали все необходимое для промысловиков, так как посылать домой за забытыми вещами и оборудованием было практически невозможно.

Обыкновенно женщины заранее пекли хлеб, сушили впрок сухари и собирали прочую снедь — сало, соль, кирпичный чай, а также необходимую крепкую одежду и большие (в три полосы) холщевые мешки — «кули» для переноски шишки. Мужчины готовили лошадей, седла для выюков, кожаные сумы и кожаные мешки — «тулуньи» для перевозки орехов, железные «когти» или «крючья» для лазания по кедрам, сита, веревки, пилы, топоры и др.

Из-за плохих дорог часть снаряжения старались переправить заранее в лесные избушки, построенные на месте кедрового промысла, а продукты и другое снаряжение забирали, когда отправлялись на промысел. Приходилось учитывать, что одежда и обувь во время добычи кедровых шишек быстро рвались и что ночами бывало очень холодно, поэтому всегда брали запасную одежду. Кроме того, нужно было иметь деготь для защиты людей и лошадей от гнуса.

В кедровники Тобольской губернии отправлялись на лодках по рекам, а далее до места шишкования добирались «упром» — пешком, неся на спинах котомки с провизией и другими припасами.

В те места, куда заранее невозможно было переправить необходимое оборудование, ехали почти за месяц до начала промысла, для того чтобы подготовиться в «орешном стане» (его называли еще «табором»), а также в целях охраны ореха на своей делянке от расхищения.

Придя на место, исправляли старое «зимовье» или рубили новое, рубили «сайбу» для хранения шишек или рыли ямы для хранения оре-

¹⁴ С. Марусин. Указ. раб., с. 439.

¹⁵ А. Макаренко. Дневник. Этнографические заметки 1904 года.— Научный архив Государственного музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ), ф. 6, оп. 1, д. 62.

¹⁶ М. Бородкина. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки. Томск, 1927, с. 13.

ха, строили деревянные станки для разбивания шишек, вязали решета для просеивания, делали совки, лопаты, расчищали ток. В этих работах, отнимавших довольно много времени, участвовала вся артель, причем каждый выполнял свою часть работы под руководством «старшого», наиболее опытного и знающего промысел.

Условия промысла ореха требовали совместного труда трех — пяти человек («сбивальщиков» и «подбиральщиков») в зависимости от способа сбора. «Орешили» семьями и артелями. Чаще объединялись вместе 5—8 чел., но бывали артели, состоявшие из 15—20 чел., в зависимости от площади кедровника и способа шишкобоя.

В «увальных» кедровниках, где на деревьях было много сучьев, применялся способ «лазом». Сбивальщик шишки («лазальщик», «бегун» — бегал по кедром), подвязав к ступням ног железные когти (крючья), взбегал на кедр и с силой сбивал длинным (5—6 м длины) рябиновым, березовым, таловым или черемуховым гибким шестом шишку с ветвей. К более толстому концу шеста прикреплялась веревочная или кожаная петля, надевавшаяся на руку или на шею, чтобы не обронить шест с дерева. И. Слопцов отмечал, что шест имел на верхнем конце крючок, которым бегун мог оторвать крепко сидящую шишку. В разных местах шест назывался различно: в Нарымской крае — «кий», на Алтае — «бок»¹⁷, в Забайкалье — «прогон». С небольших кедров шишку сбивали шестами, стоя на земле, но с больших кедров, лишь взобравшись на дерево. Работа на дереве была очень трудной и опасной, требовала большой ловкости, силы и смелости. Использование шеста не было безвредным и для кедров, поскольку им сбивалось много молодой шишки — «озими», которая должна была созреть в следующем году.

Труд подбиральщиков был хотя и не опасным, но достаточно тяжелым: приходилось не разгибаясь изо дня в день собирать кедровые шишки и сыпать их в сайбу, наполнять ими кули и таскать их на спине по тайге в ореншый стан. Подбиральщиками часто работали подростки, а относили в стан четырехпудовые кули взрослые.

В «жировых» кедровниках, с более высокими деревьями, на которых было мало сучьев, сбор лазом с шестом был непригоден. В таких кедровниках сбивали шишку «колотом» — ударным приспособлением в виде огромного деревянного молота — чурки весом от одного до шести пудов, насаженной на деревянную прочную ручку длиной 2—3 м. Для прочности конец чурки, направляемый на дерево, скрепляли металлическим ободом. Нижний край другого конца стесывали овалом для укрытия головы бьющего колотом (рис. 1). Концом ручки колот ставился в землю у дерева и отводился для удара. В более молодых кедровниках с пудовым и двухпудовым колотом работал один человек. В старых кедровниках употребляли более тяжелые колоты и управляться с ними могли три человека при помощи веревки. При работе с колотом, помимо силы, нужны ловкость и сноровка, так как иначе при неточном ударе по дереву тяжелый колот сшибал с ног. От дерева к дереву его переносили на плече.

В разных местах колот называли различно: в Прибайкалье и Забайкалье — «колот», «побойка», в Западной Сибири — «бат», «бот», «барц»¹⁸.

В Забайкалье и Нарымском крае, где особенно широко был развит промысел кедрового ореха, для сбивания шишки употреблялась также и «колотушка», представлявшая собой колот уменьшенных размеров. Колотушкой ударяли по ветвям кедров, от сотрясения шишка падала на землю.

---

¹⁷ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — «Этнографический сборник Русского географического общества», в. VI, № 1. СПб. 1864

¹⁸ Б. Шостокович. Указ. раб., с. 40; Полевые записи А. В. Сафьяновой.

Рис. 1. Сбивание шишек с кедра «колотом» (все рисунки выполнены В. И. Агафоновым по рассказам сибирских старожиллов)

При большом урожае кедрового ореха, примерно один раз в три года, сборщики старались заготовить как можно больше шишки, а ее обработку производили значительно позднее, после окончания необходимых хозяйственных работ. Заготовленную шишку оставляли на хранение в «сайбах» — бревенчатых амбарах. Перевозить ее домой было невозможно из-за трудных дорог. Сайбы строили с бревенчатым полом; стены разбирались и по мере наполнения шишкой вновь собирались. Заполненная сайба закрывалась потолком из бревен, и заваливалась ветками, корой деревьев (рис. 2).

На севере Тобольской губернии такие амбары назывались «шамья», ставили их на высоких столбах — «стойках»¹⁹. В Нарымском крае их строили на стойках, а иногда и на стволах деревьев²⁰. Для этого выбирали четыре близко стоящих друг к другу дерева, обрубали их на высоте 3—4 м и на срезы клали два бревна, которые служили основой для настила. На настиле возводили амбар (рис. 3). Такие амбары также закрывались бревенчатым потолком, а стволы очищались от веток и коры, чтобы по ним не мог забраться медведь.

В некоторых местностях до вывоза ореха на месте промысла оставляли караульщикова. В амбарах шишка лежала иногда до весны, когда ее обработка проходила значительно быстрее, так как шишка, по сибирскому выражению, за зиму «перепревала».

В более «сильных» артелях шишка обрабатывалась сразу же на месте после сбора; ее немного просушивали — «разогревали» на особых помостах на солнце или на малом огне, разведенном под помостом в специально вырытых ямах глубиной 2 м (рис. 4).

Орех из шишки вылущивали разными способами, используя различные приспособления. В Нарымском крае употребляли для этих целей «каток» и «валек», вырезанные из березы. Шишка подкладывалась под каток на доску и растиралась движением валька по катку²¹. Сходный, но несколько усовершенствованный способ лущения шишки существо-

¹⁹ И. Словцов. Указ. раб., с. 8.

²⁰ Полевые записи А. В. Сафьяновой.

²¹ Б. Шостокович. Указ. раб., с. 40.

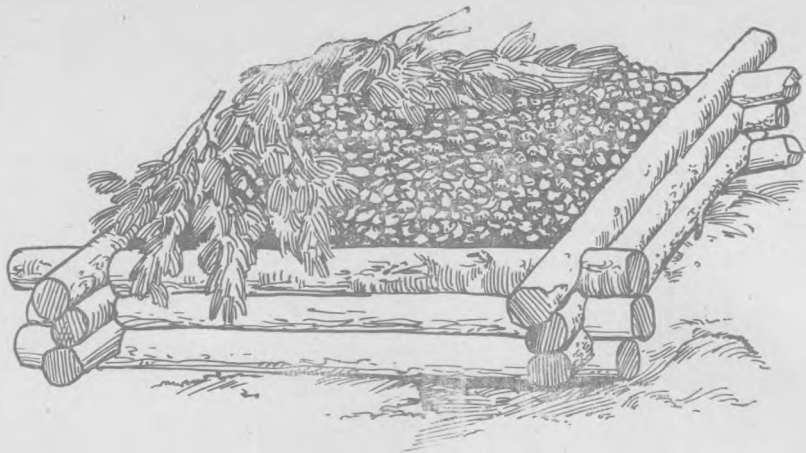

Рис. 2. Сайба для хранения кедровых шишек

вал на Алтае, в Забайкалье и других местах Сибири²². Лущение проводилось при помощи «терки» и «валька». Для терки брали обрубок сухого дерева, чаще березового, длиной 1 м, и на верхней его стороне делали поперечную нарезку. Валик изготавливали из такого же обрубка дерева, такой же толщины, с рукояткой и с нарезкой зубьев на его нижней стороне. Шишку, предварительно распарив ее на малом огне, клали боком в один ряд на зубья терки, сильно ударяли по ней зубчатой стороной валька и проводили вальком вперед и назад по терке. Шишка при этом разваливалась и орех освобождался от чешуи.

Более распространенным был способ обработки шишки «молотилом» на «станке» — специальном помосте из тонких жердочек, обнесенных бортом в два-три тонких бревна (рис. 5). На помост насыпали шишку и разбивали молотилом — кривой палкой с выпуклой ударной частью. Настил помоста от ударов палкой сотрясался и орех с мелкой чешуей от шишки проваливался сквозь настил на чистый ток. Обмолоченная разбитая шишка — «куринга» — периодически сбрасывалась с помоста и взамен насыпалась свежая шишка.

Более усовершенствованным орудием очистки ореха от шишки считалась «машинка» — терка, представляющая собой ящик с двумя продольными бортами, поставленный на ножки. Дно устраивалось из трех-четырёх зазубренных деревянных или железных планок с просветами между ними. Вторая часть «машинки» состояла из зубчатого валька, линейные размеры которого соответствовали размерам ящика. Валик имел две вертикально поставленные ручки, за которые брались два человека и движениями взад и вперед растирали шишку, насыпанную в ящик. Орех и чешуйки проваливались под ящик на ток, а «куринга» сбрасывалась руками (рис. 6).

В восточных районах Томской губернии употреблялась терка с зубчатым деревянным валиком, вращающимся в конусообразном ящике с просветами в дне (рис. 7). Зубчатый валик имел одну или две ручки, которые вращались одним или двумя работающими²³.

Отделение ореха от чешуи производилось на решетках — «поджах», плетеных из прутьев или из полос бересты. Еще в конце XIX в. в Нарымском крае поджа иногда делалась из листового железа с вырубленными в нем отверстиями. В Забайкалье употреблялись проволочные поджи. С решетом обычно работали вдвоем, подвесив его на дерево или на специальный деревянный рычаг. Деревянными совками в решето на-

²² ГМЭ, колл. 1343 (Алтай, с. Уймон); С. П. Боншико. Указ. раб., табл. 3, рис. 8.

²³ Полевые записи А. В. Сафьяновой.

Рис. 3. Амбар, устроенный на стволах деревьев для длительного хранения шишек

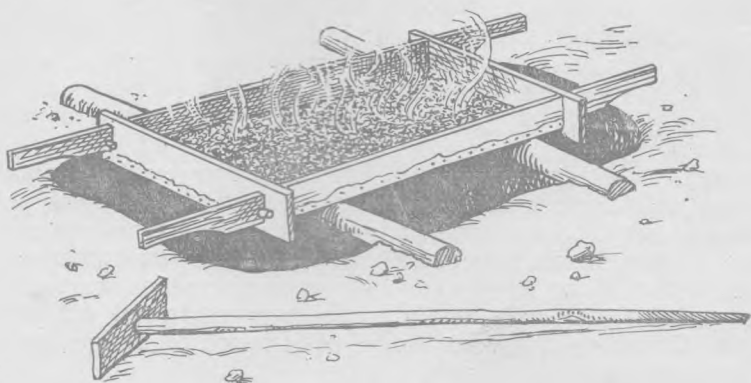

Рис. 4. Разогревание шишек над «ямным» огнем

Рис. 5. Обработка кедровых шишек «молотилом» в Забайкалье
(фото А. Р. Никифорова, 1959 г.)

сыпали орех для просеивания. При сотрясении решета мелкий мусор проваливался на ток, орех оставался на дне, а крупный сор скапливался сверху и сбрасывался руками на землю (рис. 8).

После этого нередко тут же в тайге орех отвеивали для окончательной очистки его от мелкого мусора и пыли. Для этого его в ветреные дни перебрасывали на чистом току особыми деревянными полукруглыми лопатами из одной кучи в другую, расположенную на расстоянии 10 шагов от первой. Отвеивание ореха, предназначавшегося для домашней переработки, чаще проводилось уже дома, а не в тайге.

Если очищенный орех оставляли на какое-то время в тайге, то его сушили в поджках на малом огне, непрерывно помешивая, чтобы он не пересох, а затем ссыпали в специально вырытые ямы, выложенные берестой. Сверху орех также закрывали берестой, засыпали землей, заваливали деревьями, камнями для предохранения от медведя.

Осенние дороги позволяли вывозить орех лишь на верховых лошадях вьюками. Перевозили его чаще в кожаных мешках — «тулунях», реже в холщевых кулях, которые быстро рвались о сучья и перетирались веревками, намочали, что вело к порче и потере ореха.

Зимой орех из тайги вывозили на лошадях, в санях. Если же оставляли шишку в таежных амбарах, то иногда, не дожидаясь весны, производили ее обработку после окончания неотложных хозяйственных домашних дел.

Приехав вновь в кедровник зимой или ранней весной, промысловики располагались в зимовье — небольшой рубленой избушке. Вдоль стен в зимовье был устроен настил из колотых плах или досок, а посередине на земле был очаг для приготовления пищи и для обогрева. Зимовье служило жилищем и во время шишкособоя, так как сбор шишки проходил обыкновенно с середины августа до начала октября, а в урожайные годы — до декабря.

Около зимовья всегда имелись «палати» для сушки шишки, представлявшие собой навес из жердей на столбах, на котором раскладывали шишку, вынутую из сайбы, а под ним в яме разводили небольшой сгонь для разогревания замерзшей шишки. Разогретая шишка быстрее обмолачивалась. Весной перепревшая шишка требовала меньше усилий при лущении, чем осенью, но до весны ухудшались вкусовые качества ядра. Поэтому, если это было возможно, старались обработать шишку раньше.

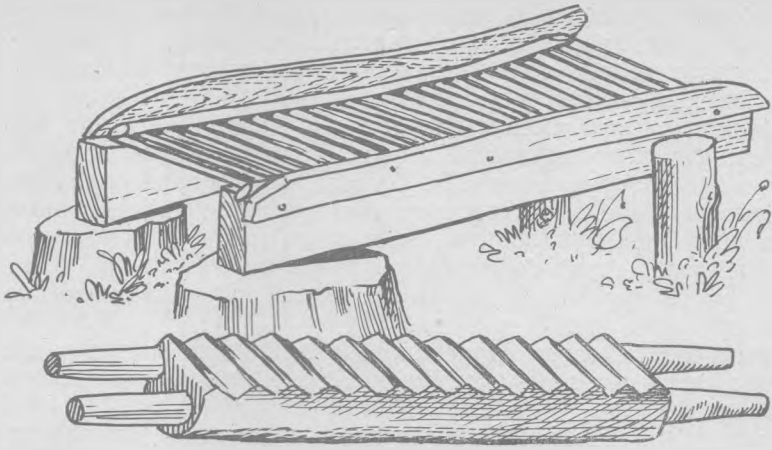

Рис. 6. «Машинка» — терка для лущения шишек

Рис. 7. Вращающаяся терка для лущения шишек

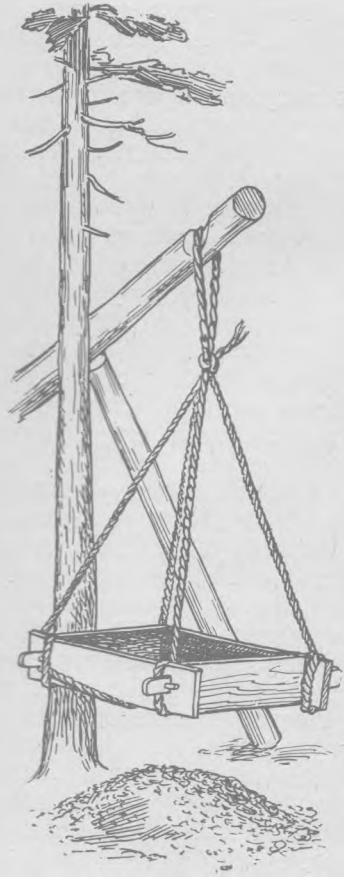

Рис. 8. «Поджа» — решето для очистки орехов

В Сибири у крестьян принято пить кирпичный чай с коровьим молоком. В тайге же, где чай и хлеб являлись главными продуктами питания, а коровье молоко не привозилось, его заменяли молоком из кедровых орехов, которое изготовлялось здесь же.

В каждом таборе имелась деревянная долбленая ступа с деревянным пестом, в которой дробили орех. Толченый орех превращался в бурую массу, которую выливали в котел, заваривали горячей водой и размешивали. Ядро ореха растворялось в горячей воде, а шелуха оседала на дно. Ореховую воду сливали и ею заправляли чай вместо молока. Если же в ступе толкли ядро ореха без скорлупы, то получали густое и очень вкусное ореховое масло, которое мазали на хлеб, как сливочное.

Шелуха от орехового ядра использовалась для мытья рук, так как его можно снять живицу — «серу» от шишек, которую в холодной воде отмыть нельзя.

Раньше в Забайкалье, Прибайкалье и в Западной Сибири крестьяне добывали много кедровых орехов. Большую часть ореха крестьяне продавали на месте купцам и скупщикам, которые отправляли его в города (Петровский завод, Читу, Верхнеудинск, Березов, Тобольск, Томск и др.). Много ореха продавалось на сезонных ярмарках Сибири. Кедровый орех — «сибирский разговор» непременно приносили на посиделки. Он скрашивал молодежи и взрослым долгие зимние вечера.

Продукты переработки кедрового ореха употреблялись не только во время промысла. В Забайкалье до революции существовали небольшие маслобойные заводы в с. Красный Яр на Чикое и в Верхнеудинске. В Западной Сибири маслобойные заводы были в Бийске, Томске и в ряде селений. Кедровое масло крестьянского производства на рынок поступало в ограниченном количестве, но для себя крестьяне промысловых районов изготовляли его в достаточном количестве. Орех лущили обычно женщины зубами, затем толкли в деревянных ступах и полученную ореховую массу заваривали горячей водой, отделяя масло путем размешивания. Из пуда ореха получали 4—6 фунтов масла и 6—8 фунтов хорошей густой «избоины», идущей в пищу. На заводах и у некоторых состоятельных крестьян для обдирания ореха имелись особые ручные жернова. Затем путем отвеивания ядро отделяли от шелухи и толкли в ступе.

Кедровое масло — высококалорийный продукт питания, и в тяжелый 1921 г., когда молодая Советская Россия испытывала продовольственные трудности, Председатель Совета Труда и Оборона Владимир Ильич Ленин подписал 3 августа Постановление «Об организации сбора и заготовки дикорастущих масличных семян и об использовании их для переработки в маслобойной промышленности»²⁴.

Ввиду особо важного значения кедрового ореха в ряду других дикорастущих масличных, предлагалось особо выделить его сбор и заготовку. Постановление обязывало Главсельпром немедленно приступить к оборудованию маслобойных заводов в районах наибольшего распространения кедра, сняв необходимое оборудование с бездействующих заводов. В Постановлении подробно рассматривались все ведомства, обязанные заниматься вопросами заготовки, перевозки и переработки ореха.

Наши полевые работы в Забайкалье в 1959—1961 гг. и в Томской области в 1976—1977 гг. позволяют утверждать, что и сейчас продолжают применяться прежние способы добычи орехов и орудия для кедрового промысла. В Забайкалье мы имели возможность фотографировать процесс сбора ореха в кедраче и применявшиеся при этом орудия. Полевые работы в Томской области, проведенные нами через 15 лет после иссле-

²⁴ Газ. «Известия ВЦИК», № 186, 24 августа 1921 г.; «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», № 63, М., 1921.

дований в Забайкалье, зафиксировали те же способы и те же прадедовские орудия. Но значительно выросло число людей, проникающих в кедровники и применяющих варварский способ собирания шишки, уничтожающий кедры, за что ранее очень строго наказывали. Местные жители с болью говорили нам о больших вырубках кедра на поделочную древесину и даже просто на строительные доски и штакетник. Промысел же кедрового ореха за последние годы сильно сократился.

Продолжительность жизни сибирского кедра 400 лет. Первые 10 лет он растет очень медленно и достигает полного развития лишь в 50 лет. Сибирский кедр почти не подвержен болезням и регулярно плодоносит. Кедровые массивы необходимы для жизни соболя, белки и многих других зверей и птиц.

Кедровник — большая наша ценность и подлежит защите и сохранению для будущих поколений. Хочется закончить эту небольшую статью о кедре словами лесовода С. П. Бонишко: «И стоят седые великаны, стоят веками; стоят гордые сознанием своего добродушия, щедро посылая на землю неразумным людям золото своего неистощимого плодonoшения на зло вольное и невольное, причиняемое им человеком»²⁵.

Долгое время человек нещадно эксплуатировал природу, считая, что она неистощима. Это примитивное представление привело к истощению ряда природных ресурсов и загрязнению внешней среды. Незнание законов природы приводит к нарушениям многообразных взаимосвязей между животным миром, растениями и средой их обитания.

---

²⁵ С. П. Бонишко. Указ. раб., с. 68.